

В июне 2017

Александра Казакова

18+

Александра Казакова

В июне 2017

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71963443
SelfPub; 2025*

Аннотация

Необразцовая школьница в образцовой семье? Всё ли там чисто? Почему считается, что гению нельзя быть живым и счастливым? И что будет, если обманывать детей изо всех сил?

Александра Казакова

В июне 2017

"Математика – царица наук". С этим самым трудным школьным предметом у меня никогда не было проблем. Но это не значит, что их не было в жизни вообще. Мне пророчили великое будущее, говорили: "Рената – математический гений, новое слово в науке". Ожидалась моя долгая жизнь с непрерывным восхождением по лестнице успеха.

На последнем звонке ничто не предвещало беды. Только странная какая-то была погода на последней репетиции. Уже в самом конце, когда говорились последние слова, стало темнеть. На улице и так было пасмурно, поэтому никто особо не обратил внимания. Когда выходили из актового зала, чтобы пойти на классный час, в коридоре уже плохо видели лестницу. Время ползло к двенадцати. Когда пришли и расселись, тьма всё сгущалась. Вроде грозу не обещали. Становилось всё темнее, уже как в сумерках. Включили свет. Я сидела у окна. Небо уже приобрело цвет поздних, глубоких сумерек. И тишина. За окном штиль, как в конских широтах. Нам отдавали дневники с привычными комментариями, только подтянуться в следующей четверти, как некоторым говорили обычно, было уже невозможно. Меня похвалили и потребовали не ронять честь школы, учиться только на пять в престижном вузе. А я всё смотрела; темнело

дальше, и была уже самая настоящая ночь. Тут уже классная отложила очередной дневник, выключила свет и подошла к окну. Мы все смотрели, как зачарованные. Окна выходили на юг, стрелки часов слились на двенадцати, показывая полдень, превратившийся в какую-то жуткую полночь. "Локальное снижение прозрачности атмосферы", – успокаивала нас классная.

Чёрная ночь продолжалась. При свете договорили про оценки, концерт и экзамены, разобрались с вещами. Всё последний раз. Одиннадцать лет закончились. В половине первого на юго-западе появилась кроваво-красная светлая полоса. Всё затихло, и только на часах секундная стрелка громко подходила к двенадцати. Время идёт. Мне скоро семнадцать, второго июня, как раз в день сдачи профильной математики. В шестнадцать лет один год – одна шестнадцатая часть жизни, 6,25%, в семнадцать – уже 5,88%. Всё меньше и меньше, вот и кажется, что время летит всё быстрее. В первый год жизни время делится маленькими отрезками, и год – это что-то невероятное. Потом год – это целая жизнь, половина, треть, четверть, пятая часть, шестая... Всё меньше и меньше. Так жизнь будет пролетать всё быстрее и быстрее. Может, разорвать эту шкалу и воспринимать каждый день как единственный и неповторимый? Как с людьми: можно группировать по разным признакам, но даже близнецы – это разные люди. 23 мая 2017 года уже больше никогда не будет, оно только сегодня. Утро уже в прошлом, сейчас день, впе-

реди вечер. Сейчас важнее всего, ведь будущее обязательно наступит. Или не наступит. Зачем чего-то трепетно ждать?

После двух тьма стала краснеть, постепенно светлея, переходя в оранжевый, грязно-жёлтый. Наконец, к трём всё рассеялось, вернулся обычный серый день. Невыпускные классы высыпали со школьного двора. Много разговоров было про чёрный день за окном.

Кто не видел выстрелов? Фильмы смотрели все. Раньше, в нулевых годах, детоцентризм только поднимал голову. Никаких "Каруселей" и "Бибигонов" не было, дети смотрели то же, что и родители. Напомню, что Интернета тоже не было, а если был, то явно не для того, чтобы смотреть десять серий про Машу и медведя. И не было столько блогеров, говорящих о нежной детской психике. "Брат", "Брат-2", "Сёстры", всевозможные сериалы о крутой или слабой милиции – всё это смотрелось вечером рядом с родителями. Не все модели поведения были хорошими, криминальная романтика, атмосфера 90-х – не то, чему нужно слепо учиться. А вот стоит ли делать мир детским? Он им никогда не был. И не должен быть, кстати. Почему? Детство – это несовершенство. У любого вида детская особь не способна к самостоятельной жизни и размножению. У детей нет жизненного опыта, они нуждаются в определённости и безопасности. Дети жестоки, импульсивны, не умеют планировать. Сами не лягут спать, с утра до ночи будут смотреть мультики. Дети не могут быть каркасом общества. Если весь мир сделать детским,

это будет мир немощи. Есть очень много важных, но совершенно недетских вещей. Поэтому и культура не может быть чисто детской, иначе это стагнация. Зачем расти, если всё вокруг детское, если нет книг, которые читают только родители, свиданий, на которые ходят только старшие братья и сёстры, компании во дворе, до которой надо дорасти?

Моя первая любовь была в стиле девяностых. Чёрно-красная романтика, где внешний холод и внутренний жар, ночная темнота и муть в глазах от слёз. Огнестрельные ранения, шок родственников, обмороки и провалы, рассеянность.

Следующий день после последнего звонка наступил в шесть утра, я бодро встала. Забываю, что люди, оказывается, выпивают, и у них от этого трудности. Помню, так родители собрались ехать на праздник, говорят, что обратно на такси. Лёша тоже не понял сначала, поскольку сам не употребляет. Прекрасный солнечный день, только холодный, но на безрыбье и это радовало. Потом я прокручивала эти утренние часы снова и снова в мельчайших подробностях.

Мы решили посмотреть родную школу. Там ещё шли уроки, пятница, 26 мая. Это у меня праздник и отдых перед ЕГЭ и поступлением, а остальные открыли тетради и взяли ручки: дневники отдадут только тридцать первого. Слышны голоса знакомых учителей, вот на первом этаже моя и Лёшина классная руководительница (у нас предметное обучение с самого начала) диктует первоклашкам. В следующем году ей торжественно вручат её личный первый класс. Жизнь идёт.

Я посмотрела на липу около кабинета географии. И услышала щелчки...

Очнулась в другом месте. Я живая? Кровь на правой руке, мне бинтуют кисть и плечо. Вызванная с работы мама стояла передо мной. Я спросила её, где Лёша, а она молчит. Мне стало не по себе и как-то жутковато. Б-р-р. Рука сильно болела. Оказалось, других травм нет, я просто потеряла сознание тогда.

– Держись, юная Лариса Черникова. Слепое ранение плеча и сквозное кисти.

– А когда я выздоровею?

– Не скоро. Через несколько месяцев. А вашему Лёше повезло гораздо меньше. Он погиб.

Опять в глазах темнеет.

Почему меня называют Ларисой Черниковой? Здоровой левой рукой лезу гуглить. Всё понятно. Пришло сообщение от знакомой, с которой давно не виделись:

– Как твой влюблённый самолёт? Держит ровный курс?

– Как у певицы, которая это пела.

– Лариса Черникова? Ты хоть знаешь, что с ней было?

– Знаю. У меня так же. Меня с ней сравнили, поэтому я и узнала о ней.

– Рената, какой кошмар! Что с Лёшей?

– То же самое.

Дальше были стандартные слова утешения.

Мама забрала меня домой, я легла на кровать и спала с

открытыми глазами. Всё сейчас было лишним, даже любимая математика. У каждого свой срок жизни. Но если бы это была болезнь, допустим, то никто бы не удивлялся. А так меня мучил страх, чувство небезопасности жизни. Мама может убить до рождения, в школе могут застрелить.

Потом были процедуры оформления документов и опросы. За каждый день было столько всего нового, что он казался годом. Мысли о ЕГЭ были где-то на самых задворках сознания. Повезло, что я не из тех, кто готовится в последний момент. Это вообще очень рискованная вещь – откладывать на потом, ведь чем больше это "потом", тем труднее потом, если что-то случится. А ведь кто-то сейчас бежит, доучивает, даже есть объявления о поиске очень срочных репетиторов. Я не говорю, что рискуют будущим, ведь экзамены судьбу не решают, в крайнем случае есть пересдача. Но проще уж сразу делать, вовремя. Хотя что мне судить, я человек, не имеющий опыта учебных проблем.

– Рената, если не будешь есть, сил не будет. Форму потеряешь.

– Но я не могу сейчас.

Лёшу хоронили серым пасмурным днём. Небо было вроде и летнее, но в то же время низкое, как осенью. Ведь погода климатически осенняя, можно было бы сказать и весенняя, ведь лета ещё и не было, но такой мрачности весной нет. Как у полюсов: климатическая весна в июле просто переходит в осень. Лёша, мой милый, обниму тебя напоследок в

этой жизни. Кто-то зря сказал, что если бы мы не были жена-ты, мне не было бы так больно. Неправда! Мы прожили это время вместе, подарили друг другу радость. Кто отнимет то счастливое время? Никто. Ты не принадлежишь мне, у тебя свой срок жизни. А у меня свой, я остаюсь.

Надо ехать в школу. Написала пост на странице Вконтакте: "Лариса Черникова, Ирина Круг, Оксана Робски, Мария Максакова, я с вами. Всё рассыпается в памяти, и земля уходит из-под ног. Мир без любимого – солнце без тепла, птица без крыла. Мир без любимого – горы без вершин, песня без души. А мне ещё ЕГЭ сдавать". Прикрепила песни "Кто" Черниковой и "Мир без любимого".

Меня подвезла соседка на "Девятке". Играло "Ретро фм", песни из девяностых. Старые серые здания вокруг, старые машины вокруг. Дома отключили свет. Если бы не телефон с Интернетом, то я попала в девяностые. Хорошо, что дни длинные, тьма мне сейчас не нужна. Тонкий лёд под ногами, непрочность всего, небезопасность. Что вообще произошло? Лариса Черникова хоть физически не пострадала, а мне как не один месяц без правой руки? Чего стоят планы? А поступлю ли я вообще? И успею ли доучиться? Их ещё не поймали. Не так уж редко я стала терять сознание. Худею ещё. ЕГЭ сдавать – не дрова рубить.

- Хорошо, Рената, что в двадцать первом веке живёшь.
- В смысле?
- Дрова рубить не надо.

Потом ещё первоклассник:

– Почему тебя называют Ларисой Черниковой?

– Тебе психологическую травму нанести?

Промаргиваю глаза от слёз, чтобы прочитать время, а в глазах расплываются габаритные огни. Одноклассники меня теперь точно не поймут, подруги из группы поддержки мне теперь ближе. Странная тишина, пустота на перекрёстках, на юге полоска посветления, словно полярная заря. Я как попала в фильм "Брат" или "Сёстры". Только вот проснуться никак не могу. "Кто мне поможет вернуть вновь наше счастье, нашу любовь"? "Убьют – так убьют" – слова Ларисы Черниковой.

Официальная консультация по профильной математике. Настолько официальная, отчётная перед образовательным начальством, что вызвали всех-всех, даже заочниц вроде меня. Я пришла сюда чисто посидеть. Меня вырубают от убойной дозы успокоительного, выпитой, чтобы не плакать. Смотрю тупо вперёд стеклянными глазами. Что-то там бубнят, бубнят. Какое задание? Комиссия смотрит мне в глаза, а у меня пустая тетрадь. Как же холодно! Ну и лето в этом году! Такого я никогда не видела. Алгебру и геометрию у нас ведут разные учителя, это считается престижным. Универсальность учителей означает низкий рейтинг школы. И физику, и математику, и черчение, и химию, и историю – чего уж там? – ведёт один в деревенской угасающей школе. В мою школу все рвутся за высокой зарплатой.

Смотрю в окно. Плоский, серый мир за окном. Глубокая осень, почему-то притворившаяся летом. Плюс пять днём, ноль ночью. Октябрь, только день удивительно длинный. Солнце уже давно на небе серым утром, а вечером в восемь ещё длится бесконечный день. В половине девятого, в девять ещё светло, читать можно. Странные вечера. На улице никого нет, тишина на детской площадке. Только вынужденно проходят одинокие собачники. Опять в классе напряжённый искусственный свет. Тёмный, аномальный июнь. Задача про стрельбу. Хорошо, что меня не вызвали. Вообще, разбирали чисто вторую часть, первая была у всех отработана. Первая часть с кратким ответом, можно на любом егэшном сайте себя проверить по программе.

О чём жалеют люди в старости? Точно не о карьере и деньгах. О том, что много суетились, гнались за вещами, что детей не родили – не всех родили. Книги не читали, не гуляли, не общались. Чтобы не жалеть в старости, надо это знать и думать сейчас. Да, правильно я ребёнка сохранила и правильно замуж вышла. Всё было не зря. Кажется, что впереди ещё много-много лет. А это всё пройдёт, и не заметишь.

Длинные волосы, считавшиеся гордостью, я отрезала. Новое семейное положение – новая жизнь. Обычно так носят женщины бальзаковского возраста. У моих ровесниц, особенно у повёрнутых на интеллекте, сейчас ещё детство, о любви ещё не думают. Или первая робкая влюблённость. Косички, единорожки, фенечки, мягкие игрушки. А я не толь-

ко нашла настоящую любовь, но и уже потеряла. Чувствую себя такой старой. Другие семнадцатилетние переходят в одиннадцатый класс, бегают по репетиторам, главный страх у них – ЕГЭ. Родители хотели, чтобы я была такой? Может, на заочное отделение поступать? Заочницы мне ближе. Тем более что прогнозируют низкий балл.

"Юные Ларисы Черниковы" – группа поддержки для женщин, потерявших мужа до 30 лет. Или даже если не успели пожениться. Возрастной состав у нас пёстрый: от школьниц вроде меня до пенсионерок, вспоминающих своё горе в молодости.

Правила группы:

Запрещено:

1. Нецензурно выражаться (даже с пропуском букв).
2. Порнография, пошлость.
3. Спам, флуд, реклама.
4. Угрозы, разжигание розни.
5. Обесценивание эмоций и переживаний, насмешки.
6. Пропаганда аборт, ЛГБТ, чайлдфри, самоубийств и сект.

Прекрасные правила. Каждая пришедшая может не бояться, это на всяких форумах без особой модерации обвинят и обгадят. Только иногда бывает сложная ситуация, когда причина смерти – самоубийство, а в группе это резко осуждается. Осуждается для живых, чтобы не тянуло, но одновременно лишает надежды потерявших. Участница под ником

Маха Убиваха в группе научилась разговаривать без мата, а до этого просто через слово, для связки слов.

Меня поддерживали, но больше поддерживала я. Мне как-то даже проще и привычнее было писать другим, что их жизнь не сломалась. Она ведь не сломалась. Никто из людей нам не принадлежит. Если умирать вместе с другим человеком, это ему не поможет. Поэтому закрой рот и смирись. Есть образование и работа, дети и родственники, друзья, увлечения. Та же Лариса Черникова сколько песен спела потом, сына родила. И сейчас живёт.

Затесалась к нам в ряды одна чайлдфришница и открыто спросила: "Почему смерть любимого мужчины можно обсуждать, а смерть ребёнка нельзя"? Проговорилась, что аборт – это смерть ребёнка. Потом быстро слилась, потому что это не её тема.

Таня, ещё школьница. Не были женаты. Любимый одноклассник стал жертвой "Синего кита". Ещё одна пришла:

– Я любила одноклассника и потеряла.

– Что случилось? – спросили там.

– Расстались.

– Здесь группа про смерть, расставание – не сюда.

Уже завтра наступает профильная математика, самый сложный и страшный экзамен. Хотя, на мой взгляд, обществознание куда хуже: естественные и точные науки – это конкретика, а обществознание – это попробуй угадай, что имел в виду автор, расплывчатые формулировки. "Стою среди дру-

зей я как в пустыне". Зато на выпускной деньги можно не тратить, запланировали там пышное скучное торжество, где все собираются напиться. Родители ещё не вернулись, я дома одна.

Самый тёмный час перед рассветом. На смену девяносто шестому году придёт двухтысячный. Всё будет. Полночь уже прошла, скоро заря займётся, заря новой жизни. Поступлю в вуз, буду дальше заниматься любимой математикой. Кстати, стрелков нашли. Теперь надолго сядут. Со мной не связаны, можно успокоиться. Девять вечера. Пасмурно и светло, читать можно. Рука заживёт. "Я больше не прошу, и мне не надо много, не надо ярких звёзд с небес и сотни слов, не надо, не лги, я больше не прошу, чтоб только у порога звучали бы в ночи твои усталые шаги". Слушая эту песню, я представляла лихие девяностые, что пусто и грустно должно быть, но ведь находили радость в фильмах и музыке, просто в хорошую погоду шли гулять.

До этого классная вызвала меня с родителями. Ещё алгебраичка и физичка пришли.

– Мы понимаем, что можем разговаривать с самой Ренатой, она считается совершеннолетней. Но в свете нынешних событий мы вас вызвали. Вы понимаете, ваша дочь не сдаст? Вообще, возраст совершеннолетия не с потолка взят. Я изначально была против идеи Ренаты выйти замуж в шестнадцать лет. Психика ещё детская, понимаете? Жаль, что родители – не педагоги. Почему бы не забирать в армию в шест-

надцать? Шестнадцать, восемнадцать – какая разница, правда? Два года в ювенильном периоде развития – это же ничто?

– Все развиваются по-разному, да и раньше... – робко начала мама.

– А что раньше? Мы живём сейчас. Психика детская в семнадцать лет. Ларису Черникову помните? "Я люблю тебя, Дима, что мне так необходимо". Когда у неё мужа убили, ей было почти двадцать два. Она сидела больше месяца и смотрела в стену! На пять лет старше вашей дочери! Ирина Круг, Мария Максакова – взрослые тётки в обморок падали! И это они не сдавали сразу же физику и профильную математику. Рената выбрала самые сложные экзамены, которые сдают хуже всего по стране. У неё психика не выдержит. Что думаешь?

– Я тоже сознание теряла, – вспомнила я. – И вообще, я трезво осознавала, что вышла замуж не за Дункана Маклауда. Я весь год готовилась, я записана сдавать. Не прогуливать же.

– Пусть Рената идёт сдавать. Это просто экзамен, не война и не запуск атомной электростанции, – помог мне папа.

– И зачем сейчас получать низкие баллы?

– Рената готовилась добросовестно весь год.

– Смотрите сами. Ваша дочь не ест, не спит нормально. Это ничего так?

– Мне и так тяжелее всего. Мой предмет сдают все. Да, Рената?

– Русский язык сдают все с баллами, – парировала я.

– Ты не сравнивай. Русский язык – самый лёгкий экзамен.

Мы все постоянно читаем и пишем по-русски. А где ты в жизни встретишь квадратные уравнения? Короче, вы угрожаете Ренате психику. Ведь ЕГЭ – знаете, какой стресс? Вы не те экзамены сдавали, вам не понять. А поступление? Высоких баллов на таком стрессе не видать, а с низкими будет конец списка. Абитуриенты без семейных проблем-то как волнуются: оригиналы аттестатов то подают, то уносят, обновляется медленно, можно под чертой оказаться в последний момент. Что, если не бюджет? Миллион у вас есть? Люди с кредитами уязвимы.

– А какие другие варианты вы предлагаете? Взять и потерять год просто так? А вдруг получится поступить?

– Смотря куда поступать. Вы же на МГУ нацелены?

– Ну да.

– Проходной балл знаете?

– Знаем. Знания никуда не улетят, Рената сдаст.

– Ну, как знаете. Просто Рената сегодня сидела с такими стеклянными глазами. Я даже фото сделала. Ну что это? Как она будет сдавать? И ведь мало поступить, надо учиться потом, а это тоже трудно.

– Для Ренаты это привычная нормативная нагрузка. Математическая одарённость.

– Прислушайтесь к педагогам!

На этом разговор был закончен. Никто не помешает мне

прийти и сдать всё, как записалась. Вообще, что за меня переживать? Я же вундеркинд. Мне надо только подтвердить олимпиады, и высший балл в кармане. И аттестат с отличием. Я ещё ни разу в жизни не получала двойку, не попадалась без домашнего задания. Меня всюду ставили в пример, одновременно говоря о природных способностях. Где логика? Другим детям надо заново родиться, вундеркиндами? Родители постоянно хвастались, приписывали всё своим заслугам. Куда денутся мои способности сейчас? Я как была, так и есть готовая к экзаменам.

Я только попросила помогать мне одеться-раздеться, ведь одной рукой не получается. Я не герой, и не хочу, чтобы кто-то ставил меня в пример "а вот она смогла". Я просто хотела в этом году поступить, я не спасала чью-то жизнь. Нервы крепкие не у всех, та же Лариса Черникова месяц сидела, глядя в стену. А как атеисткам? Я-то знаю, что мы с Лёшей обязательно встретимся, а для кого-то смерть – это просто гниение, и дорогого сердцу человека в их представлении действительно больше нет, в прямом смысле.

Я не могла писать раненой рукой.

– Вот нельзя было стрелять после ЕГЭ? Или в левую руку? – возмущалась классная.

– А можно было Лёшу не убивать? – ответила я.

Я стала учиться писать левой рукой. Вроде нормально, по образцу написания, меня поймут.

Наступил час икс, звёздный час, кульминация всего

школьного обучения. 2 июня. Шёл снег. У нас все сдавали профильную математику, ведь школа профильная. Дежурная у входа проверяла нас, прежде чем запустить в аудиторию. У меня случайно заглянула в семейное положение, открыла рот, а потом подбодрила меня: "Ничего, справишься. Ты молодец. С днём рождения". Мне стало приятно. Села на любимое место, к окну, прослушала стандартную инструкцию. В варианте я чувствовала себя как рыба в воде. Прижала забинтованной рукой лист, а левой стала выписывать решение. Ничего, я не хуже Ларисы Черниковой и Марии Макаковой, психика у меня уже не детская, сейчас как напишу ЕГЭ на сто баллов.

Уже на следующий день я стала героиней Интернета. Небольшой величины, правда. Та самая из организаторов написала статью на Яндекс.Дзен про меня. "Зачем ломают будущее талантливым девушкам"? "Буквально вчера была организатором на ЕГЭ по профильной математике, на входе подтверждала личность сдающих. И одна меня привлекла. Все одеты молодёжно – единороги, совы на кофточках, а она в чёрном. Может, выпускница прошлых лет? Нет, семнадцать лет прямо сегодня исполняется. А потом я нечаянно открыла страницу семейного положения, и у меня почернело в глазах... Люди, разве можно так? Она уже потеряла мужа! А до восемнадцати выходят замуж, сами знаете, по какой причине. Профильную математику не дураки сдают. То есть, девочку заставили выходить замуж и рожать. Сем-

надцатилетняя вдова в двадцать первом веке! Мы катимся в средневековье"!.. И так далее: репродуктивное насилие, традиции и тому подобное. "Видно, что не левша, а правой писать не может, и ведь старается. Счастья тебе, девочка! Пусть украли детство, но будь сильной, пусть тебя это не сломит".

Я сразу же отправила жалобу на статью и написала комментарий, чтобы удалили. Сказать, что обиделась – это ничего не сказать. Вот такое сочувствие от "феминисток", которые перепутали слова "феминистка" и "фашистка". Они не за права женщин. Сторонницы аборт и извращенки у них равнее. Где моя борьба с родителями против принудительного права на аборт и за счастье с любимым? Почему не об этом написали? Меня пожалели за то, что не убили мою дочь? А она не женщина, не имеет права на жизнь, без которого все остальные права превращаются в пыль?

Дальше физика и русский язык прошли в штатном режиме. И опять эти оба раза мне смотрели ту страницу. Семейное положение не пишется в образовательных документах. "Какой кошмар", "какая жалость", "держись", "бедная девочка". Помогали одеться и раздеться, ведь одной рукой это трудно. Соседка, шестиклассница, даже сказала: "Тебе хорошо, ты юная Лариса Черникова, тебя все жалеют, боятся расстроить, тебя не тронь. Сколько баллов добавили"?

В школе спросили:

– Что вы ей даёте? Вы ж понимаете, что это первоначальная шоковая реакция, которая не может длиться вечно? Лад-

но, ЕГЭ сдала. А потом? Потом учиться надо. А она сломается, как Лариса Черникова. Детская психика не рассчитана на недетский стресс. Срыв близко, я вас уверяю. Результаты ЕГЭ действуют четыре года. Может, отложить поступление? Да, надо было запретить все эти игры во взрослую.

– И что делать дома целый год? Если пойти учиться, наоборот, легче будет.

– Зачем из девочки сделали юную Ларису Черникову? Последние годы детства, а оно не повторится.

Что ж со мной как с объектом, словно я мышь в лаборатории и за меня ругают научного сотрудника?

– Учиться можно всю жизнь. Создание семьи – это совсем другая сфера, параллельная.

Сдаваться я не собиралась.

Я, семнадцатилетняя вдова, ломаю порядок дома. Так-то моя семья с самого создания считалась образцовой. Моих родителей активно ставили в пример чужие мужья и жёны, в школе учителя были благодарны как самым ответственным, родительский комитет, активная группа, полное посещение родительских собраний. Моя жизнь в школе была слишком прозрачной. Я ещё в детстве поняла: надеяться, что родители что-то забудут, было бесполезно. Ещё до появления навороченных телефонов с приложениями у них было всё по полочкам. Они ничего не теряли, спрятать учебник, чтобы не заниматься по расписанию, а пойти гулять в хорошую погоду, было невозможно. Уборки не переносились и не откла-

дывались, как в больнице. Здоровое питание. Развитие! Просто слушать музыку, смотреть необучающий фильм – это как так? У меня живы бабушки и дедушки с обеих сторон, мама и папа – единственные дети у них.

В такой образцовой семье мне тоже надо было держать марку. Чуть я отклонялась – не делала домашнее задание, пачкалась на улице, болтала на уроке – сразу мне начинали пенять. Общественное мнение тут было едино: у совершенных родителей не должно быть несовершеннолетних детей, иначе это несовершеннолетние родители. Миша, мой старший брат, вписывался куда лучше. Бакалавриат, магистратура – всё очное, бюджет. Сейчас у него карьерный рост, жениться вот собирается. И то ему родители говорят, что рано, надо денег подкопить, пожить для себя. А он мягко с ними спорит.

Мы с братом учились в физико-математической школе. Считалось, что учащиеся там автоматически с положительным обликом морале. Считалось, что математика настолько приводит в порядок ум, что полностью заменяет обучение нравственности. Поэтому нередко было, что кто-нибудь из наших накосячит, а родители до последнего отрицают, пока полиция не даст доказательства. Вообще, в нашей школе царил культ интеллекта. Коэффициенты, показатели. Наша школа – не как в "Расписании на послезавтра" или "Приключениях Электроника", где все предметы, даже непрофильные, несли свой смысл. Нет, только профиль, как в Америке, бессмысленный и беспощадный. Только баллы волнова-

ли. На травлю никто не обращал внимания, если у агрессора в дневнике всё красиво.

В эту престижную школу были экзамены. В первом классе, кто шёл с начала, и потом для тех, кто перевёлся. Это никого не удивит. Никого не удивят и экзамены на право родиться в моей семье. Ведь мы родились не все. Часть из нас забросили на пыльный чердак, замели, как песок под ковёр. Не вписались в формат образцовой семьи. Кто порядком рождения, кто полом. Просто их не захотели. Как товар на полке. Чем-то не понравились, поэтому в утиль. Есть же право на выбор, жить другому или нет. Родители считали, что должна быть идеальная пропорция: двое детей, мальчик и девочка. Помню, как моя мама активно спорила с мамой Лёши, один ребёнок нужен или двое:

– Лен, ты не понимаешь. Я тоже мама сына, как и ты, но ещё и мама дочери. Опыт шире.

– Мне и так хватает.

– Ты не знаешь, что такое быть мамой девочки.

– И не хочу знать. Мой Лёша получил в два раза больше любви и внимания, в два раза качественнее.

– Я тоже математик, но нельзя же так мыслить! Жизнь – не алгебра! Но если уж так, то в семье в два раза больше математиков.

– А кто знает, что это будут математики? А вдруг в два раза больше преступников?

– Не говори ерунду.

– А что? Один ребёнок в семье – один преступник. Два – в два раза больше. Пять – в пять раз.

– Давай бороться с преступностью. Взорвём всю Землю ядерной бомбой. Зато ни одного преступника не будет. Нормальных людей всегда больше.

– Одному ребёнку можно обеспечить максимальное развитие. Каждую способность ловить в корне.

– Мои дети и так максимально развиты. Кстати, потерять единственного ребёнка куда проще, чем двоих. Тебе не страшно?

– Что тогда третьего не родила? Тогда бы вероятность ещё упала.

– Я что, рыжая, что ли? Мы не религиозники, не какие-нибудь традиционные национальности. Зачем третий ребёнок? У меня есть комплект: мальчик и девочка. По родителю на ребёнка. Зачем ещё?

– Ну вот. Сейчас гигиена, права человека, культ ребёнка. Прекрасно вырастают единственные дети, оправдывают ожидания и радуют родителей.

Последний такой разговор был незадолго до смерти Лёши.

Вот так. В моей семье квота на рождение в два раза больше. Я выжила только потому, что оказалась девочкой. Две "ошибки молодости", родные только по матери, я почему-то была уверена, что это девочки. Потом трепетно ожидаемый Миша, идеальная тишина первые три года его жизни, смягчённые слова. Через год после Миши должна была быть сест-

ра, но её подчистили. Зачем так рано? Потом мальчик в Мишины пять лет. Тоже был не нужен. Я родилась, когда Миша был во втором классе. И я мечтала о младшей сестре, помню, как-то даже предчувствовала, что она должна родиться. Но... мама болтала по телефону, рассказывая о новой методике аборта. В детстве я этого не знала, но приводила в бешенство преподавателя на подготовке к школе, раз за разом рисуя на рисунке семьи "лишних" детей.

– У тебя только один брат, и всё. Друзей не надо сюда! Это не члены семьи!

– Это братья и сёстры.

– Но их нет! Я прошу нарисовать только семью! Такая умная девчонка, и так надо мной издевается! Задачи решает, а семью нарисовать не может! Как зовут этих друзей?

Я дала имена неродившимся.

– Маша, Настя, Света, Максим и Наташа.

– А теперь хватит фантазировать и рисуй нормально!

Дома пели в ту же дудку:

– Ты поступаешь в серьёзную школу! Если и дальше будешь выдумывать, решат, что ты дурочка, и не возьмут. И если будешь дальше играть с придуманными братьями и сёстрами, сдадим в психушку, там над тобой издеваться будут.

Но я всё продолжала лет до семи видеть детей именно в таком количестве и таком возрасте. Мы любили играть. Мише до меня особого дела не было, у него были суперответственные классы школы (а они все суперответственные). Ма-

ша и Настя уже совсем взрослые, им девятнадцать и восемнадцать, Свете двенадцать, Максиму восемь, мне пять, Наташе ровно год. Какие весёлые игры мы устраивали! Когда меня припугнули, пришлось скрывать. Играли мы, когда я отвлекалась от многочисленных тетрадок.

Даже на дне рождения мне было даже неловко, что я живу, а они – нет. Родиться – роскошь сейчас. Все думают только, как уровень жизни сохранить, законсервироваться, ничего не менять. Кто-то сказал, что жизнь меняется только в худшую сторону. А все как послушные мальчики и девочки поверили. День рождения... Только раз в году. Что делать, если он уже прошёл? На завтрашний день остаётся ждать с утра 365, а то и 366 дней. Волшебство погасло, ты уже не королева. 3 июня, до 2 июня дальше всего. Что же делать всё это время? А ведь в конце мая была такая радость ожидания! Что же делать целый год? Во-первых, бесконечно длинное лето. 92 дня солнца, тепла и лета. Мы как спецшкола доучивались до самого 31 мая. Во-вторых, дни рождения других. Разве не приятно поздравить человека, что ему подарен ещё один год? Три месяца лета, дальше первое сентября. Люблю этот праздник! Вновь увидеть повзрослевших одноклассников, посмотреть выступление и поучаствовать самой. Потом дома праздник, а после можно и погулять: в начале сентября день ещё не такой короткий. День учителя, День матери, там и Новый год. Двадцать третье февраля, восьмое марта, там уже и майские. В мае стремительно теплеет, не успева-

ешь начать ждать день рождения. Да и другие праздники я не жду, мне и в будни хорошо. Учусь в школе, читаю, решаю любимую математику, хожу гулять. Ожидание праздников – признак скуки и безделья. Помню, как Миша пошутил, что хорошо бы день рождения по заказу. Но ведь это годы жизни! Тогда год человека будет меньше. Жизнь просто сократится! Вот захотел такой семилетний умник день рождения каждый месяц. И что? Через одиннадцать месяцев надо будет в армию, через два года ему уже тридцать один, а через семь лет он уже умрёт. Прямо сказка о потерянном времени, точнее, о сжатом. Если не раньше: может, ему отмерено меньше лет, или он будет заказывать по всякой двойке, чтобы не ругали. Умрёт вроде стариком, но не сделает за жизнь ничего.

Хотя помню, как праздновали день рождения именно по заказу. В соседнем подъезде жила Настя, смертельно больная. Мама её растила одна и постоянно пропадала на работе. Настя понимала, что ей осталось не много, что её уже выписали умирать. Поэтому мы, восьмилетние ровесницы, праздновали ей день рождения, когда она захочет. Игра была такая. На последнем такой дне рождения ей исполнилось семьдесят три. А на следующий день я вернулась из школы и узнала, что Настя умерла. Помню, как упрашивала образцовых родителей прогулять первые уроки, чтобы попрощаться с подругой. Мне ещё тогда сказали, чтобы я метнулась в школу потом и побыла на последних трёх уроках. Помню, как потом пришла на математику, принесла только свой вес,

а в мыслях всё ещё обнимала Настю. Я безо всяких эмоций вышла к доске и получила пятёрку. Тогда ещё за окном повалил густой снег.

А мне зачем так праздновать? Я проживу ещё долго. На-
сте так и осталось восемь, а мне летом исполнилось девять.
Потом десять, одиннадцать... Я становилась всё старше. Её
мама продала квартиру и уехала. Говорят, у неё началась но-
вая жизнь с новым мужчиной, она родила здоровых детей,
первый её бросил из-за болезни дочери. Мол, он предал и
она предала. И зачем осуждать? Мёртвым не нужен наш от-
каз от жизни и вечная фиксация на разлуке. Если бы раньше
так мыслили, мы бы вымерли.

Ну что ещё от меня хотят? Математика стала моей жиз-
нью. "Дружат крестики, цифры, точки, нолики, математику
очень я люблю". Песня дурацкая, если не опасная. "С детства
думаю об оценках школьных я, чтоб заполнили всю тетрадь
мою". "Занимаюсь каждый день утром, днём и вечером, чтоб
оценку получить, я всю жизнь тружусь". Это уже не норма,
а какие-то нездоровые загоны у ребёнка. А если не пятёрка?
Ну вдруг. Жизнь кончена? За меня и брата родители нико-
гда не беспокоились, считали, что высокий интеллект решает
всё: общение с умными людьми точно не позволит пойти по
кривой дорожке, успешная учёба точно обеспечит престиж-
ной профессией и высоким доходом. Гордились, что эконо-
мят на репетиторах, особенно злорадствуя накануне ЕГЭ. У
математически одарённых проблем не бывает, правильно?

Лёша – сын маминой подружки, учился в моей школе вместе с Мишей. Тоже увлечён математикой, как и я. Родители нарадоваться не могли, что мы дружим, считали, что хорошо влияем друг на друга. Лёша предсказывал мне ЕГЭ на сто с плюсом. Мы бесповоротно влюбились друг в друга. С ним можно было быть необразцовой. Его бледно-голубые, как у хаски, глаза так смотрели в мои карие.

– Ренаточка хорошая, тёплая, живая...

– А ещё бывает мёртвая?

– Будет когда-нибудь.

Я смеялась. Началось это в восьмом классе, с тех пор я была такая счастливая... Даже нелюбимые хмурые дни поздней осенью и в апреле подсвечивались нашими встречами. Больше всего мы любили ходить к железнодорожной магистрали, где было слабо слышно громкоговоритель ближайшей станции, но её не было видно. От дома было самое оптимальное расстояние: не очень далеко ходить, из окна и двора не видно. Я говорила:

– Когда мы умрём, мы уже не сможем видеть эту красоту.

– Тогда наверняка будет похожее место там, где мы будем жить тогда.

Лето 2016 года. Родиться в 2000 году очень удобно, рай перфекциониста. Почти ровесница века. ОГЭ – чистая формальность, выпускной из девятого класса у нас даже не проводится, ведь никто в колледж не идёт. А тем летом я уже шла в одиннадцатый класс. Тридцать первого мая отдали

дневники, у меня там даже смотреть нечего – одни пятёрки, меня хвалили перед классом. Лёше дали отпуск на месяц, и мы эти прекрасные длинные дни стали проводить вместе. Мы целовались под шум проходящих поездов.

Светлым июньским утром я проснулась не просто без аппетита, было тошно и плохо.

– Рената, садись завтракать.

– Не хочу, голова болит.

Я пошла к себе читать.

– Что это с ней?

– Переходный возраст. Организму тяжело.

К семи часам утра пошёл дождь. Теперь по прогнозу три дня дожди. Все эти дни я лежала. Лёша навещал меня, мы проводили много времени вместе.

– Рената заболела, – как-то на кухне сказал папа.

– А у меня другие догадки, – хитро заявила мама.

– Неужели что-то употребляет? Да, в этой школе ни за чем не следят, кроме оценок.

– Нет, не это...

– Рената, вставай. Восемь вечера, а ты уже спишь. Завтра идём к врачу.

– А Рената не умрёт? – спросил гостивший у нас троюродный брат Ваня.

– Не бойся, не умрёт.

В тот вечер я дальше не могла уснуть от какого-то смутного подозрения. Мама на моей стороне или нет?

– Беременность. Как прерываем?

– Никак, – твёрдо ответила я.

– Я маму спрашиваю.

– Ну, как-нибудь щадяще. Чтобы Ренаточке не было больно.

– Мама, я не хочу.

– Это не важно, подумай о будущем.

Мама – не со мной, не на моей стороне. Хотя чего я, собственно, жду от убившей мне подобных? Думала, что хоть меня как отдельного человека не засунет в свою абортную матрицу.

Днём я выбралась из дома, и мы с Лёшей встретились на нашем любимом месте. Я всё рассказала.

– Знаешь, я не ребёнок, я мужчина. Да и ты тоже не маленькая, я с детьми не начинаю. Поэтому как взрослые люди давай поженимся.

Я не похожа на героиню голливудских фильмов или наших сериалов. Зачем ломаться, искусственно отказываться? Да. А как иначе?

– Всё правильно, я согласна.

– Понимаешь, Рената...

Я напряглась. Что за оговорка?!

– Значит, ты мне послана судьбой, и именно здесь моё призвание. Если бы я отказался от тебя и малыша, то все другие пути были бы несчастными, ведь они не мои.

У меня отлегло.

– Но ведь нужно разрешение родителей. А это вынос мозга, – вспомнила я. Что интересно, тогда вообще не думалось ни о какой репутации в школе, среди знакомых. Это не важно на самом деле.

– Вместе пойдём за этим.

Но сначала зашли к маме Лёши. Там была такая истерика, что необходимая доза успокоительного была бы смертельной. Словно мы человека убили, не меньше. Это при том, обычно она не склонна к такому поведению. Что так вывело из себя солидную уравновешенную женщину? Стресс-то вреден. Почему во время крупных спортивных соревнований люди чаще болеют? Потому, что за результат дрессированного спортсмена человек переживает так, словно что-то угрожает жизни. Мозг не отличает. Вот и поднимается давление, начинаются другие проблемы. Взрослый сын решил создать семью. Да, допустил ошибку с отношениями до брака, но ведь исправляет. Нет бы порадоваться, что воспитала ответственного.

Я была вне этой истерики, меня не ранили те страшные слова гнева. Осталось потерпеть ещё истерику у меня дома – и всё. Лёша один из всех родственников ещё в школьные годы выбрал для ухода прабабушку (все другие родственники отказались) и получил квартиру в наследство. Жить есть где, если учиться заочно, то и работать смогу. Но даст ли школа семейное обучение в форме самообразования? Или скажет, что данная школа это не предусматривает и надо прикреп-

ляться к обычной? Во втором случае было бы обидно, ведь старшие классы здесь такие, что все без репетиторов сдают самые сложные ЕГЭ на высокий балл. Лёша прижал меня к себе и грел, а я тряслась и грела слабую надежду на чудо от моих родителей.

Но у меня дома всё оказалось куда дольше и сложнее. Я же забыла, что семья образцовая.

– Очень смешно! Не надо так шутить.

– Это не шутка.

– А раз не шутка, иди на аборт.

– Не пойду. Мы пожениться собираемся.

– Не пойдёшь? За ручку отвести?

– Вообще не пойду.

– Это сгусток клеток.

– Нет. Нас в школе нормально учили. Не как у вас – внутриутробная эволюция и прочая ересь.

– Ну и будешь неудачницей, как дядя Вася! Учёба – это первое дело в твоей жизни, самое главное! Нет ничего важнее науки.

Дядя Вася был главной страшилкой для недостаточно успевающих в учёбе детей. Ему было чуть меньше тридцати, работал дворником и постоянно пил. Помню, в сентябре, когда я пошла в девятый класс, решила перед школой погулять рано утром. И увидела, как он лезет в петлю! Увидев меня, остановился. Он плакал. Когда-то всё было не так. Он хорошо зарабатывал и встречался с девушкой. В мечтах бы-

ла свадьба. Когда она забеременела, он обрадовался, два варианта имени придумал даже. Пришёл вечером к ней домой делать предложение.

– Я сделаю аборт, – от этих слов мир за окном посерел, как в мультике "Верните Рекса".

– Это мой ребёнок. Давай ты мне его оставишь, сразу, как родится? – Вася не терял надежду.

– Может, и выносишь его за меня? Не тебе фигуру портить. На родившей потом никто не женится.

– А я?

– Ты – увлечение. Мне всего восемнадцать лет, я жду от жизни большего.

– Не для тебя я дочь растила! – добавила мать девушки.

– Чем ребёнок виноват? Я оплачу все процедуры восстановления, только не надо убивать. Это мой сын или дочь! – плакал Вася, чувствуя себя ребёнком, умоляющим грозную маму не выкидывать принесённого с улицы котёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.